

лизировать их без нередкой в таких случаях вульгаризации, учитывая исторически обусловленные социальные идеалы самого средневекового малайского общества. Эти социально-критические мотивы, ярко проявившиеся уже в обличении султанов-притеснителей в «Малайских родословиях», где «в соответствии с гуманной для своего жестокого века концепцией общественного договора» показано, что «справедливость ведет государство к процветанию, а тирания губит его» (с. 156), в некоторых более поздних исторических сочинениях («Повесть о Маронге Махавангсе» и др.) выражаются в прямом одобрении народного восстания против тирана (любопытно, что в этом сочинении ощутимо влияние эпизода из «Шах-наме» Фирдоуси о тиране Заххаке и восстании против него кузнеца Каве). Критические мотивы звучат и в зеркале «Корона царей», где справедливость выступает стержневой категорией, организующей все сочинение, а притеснение подданных рассматривается как бунт против Творца, за который цари-притеснители первыми отправятся

в ад, даже если обиды нанесены ими подданным-немусульманам. Обличение произвола власть имущих прослеживается также в «Поэме о Бидасари» и ряде других литературных памятников.

Исследованный в книге материал позволяет, таким образом, поставить вопрос о целой социально-критической струе в средневековой малайской литературе и о специфической форме проявления в ней борьбы аристократической и народной тенденций, что составляет еще одну несомненную заслугу автора рецензируемой книги и является важной задачей серии «Истории литератур Востока».

В целом фундаментальная монография В. И. Брагинского «История малайской литературы VII—XIX веков» ставит и на богатом фактическом материале новаторски решает кардинальные проблемы развития средневековой малайской литературы. Вместе с тем, отвечая основным принципам серии «Истории литератур Востока», она является ее хорошим началом.

Х. Г. Корогла